С. Пасти, исследователь Школы коммуникации, медиа и театра Университета Тампере (Финляндия); e-mail: svetlana.pasti@uta.fi

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ: ОТНОШЕНИЕ К ПРОФЕССИИ

Автор рассматривает изменения, произошедшие в последние десятилетия с журналистской профессией в России, изменения статуса журналистики, описывает феномен популярности профессии в условиях отсутствия свободы СМИ в стране. Описывая процессы социальной мобильности в исторической перспективе, автор говорит о журналистике как о социальном лифте. На основании данных двух эмпирических исследований делает выводы о границах профессиональной свободы и определяет главные тренды развития современной медиасистемы в России.

Ключевые слова: *журналистская профессия, социальная мобильность, журналистика как социальный лифт, свобода и ограничения.*

Author analyzes the changes which took place in last decades in Russia in journalistic profession, speaks about the transformations of journalism status, describes the phenomenon profession's popularity in times of lack of media freedom. Describing social mobility processes in historical prospect, author deals with the journalism as social lift. On the base of two empirical studies the conclusion about the limits of professional freedom and the main trends in media sphere are made.

Key words: *journalistic profession, social mobility, journalism as social lift, freedom and limits.*

Журналистская профессия стала другой за последние два десятилетия в России. В советское время журналист был «партийным литературным работником», как гласит известная ленинская фраза. Редакции были органами партийных комитетов разного уровня; в их лице партия определяла политику и штаты редакций. В университеты будущих журналистов внимательно отбирали по литературному таланту, социальному происхождению (предпочтения для выходцев из семей рабочего класса) и этнической принадлежности (главные этнические группы). Отобранная молодежь хорошо знала нужды обычных людей. Советская школа журналистики готовила их как социальных активистов [Таловов, 1990, с. 40]. Престиж профессии поднимался от привилегии влиять на общественное мнение и формировать его, но также информировать власть о недостатках, обнаруженных журналистом и читателями.

В период гласности и перестройки 1985—1990 годов, партия во главе с Горбачевым, поощряла критическую функцию журналистики с добрым намерением ускорить реформы в стране. Медиа превратились «в пропагандистскую машину гласности» [Zassoursky,

2001, p. 86], а журналисты стали «королями гласности»[1]. Престиж профессии начал расти на другом основании — свободе слова и дискуссий, чего и добивались журналисты. Первый российский президент Борис Ельцин распустил коммунистическую партию и ее структуры (Декрет от 6.11. 1991 г.). В декабре 1991 года Советский Союз перестал существовать. Редакции стали свободны от партийного контроля и государственной цензуры согласно новому Закону о СМИ (1991) и новой Конституции (1993).

Статус журналистики изменился: от закрытой государственной службы (по сути, элитной формы занятости) — к свободной рыночной профессии, открытой для любого желающего. В редакции пришли те, кто не мог прийти в профессию прежде из-за социального происхождения, этнической принадлежности, и те, кто были не удовлетворены заработками и перспективами карьеры, а также творческими возможностями на их прежних работах [Pasti, 2005a, p. 107—108].

С новым законодательством монополия государства на медиа закончилась, и частный капитал пришел на медиарынок. Но также и государство, местные органы власти в регионах с середины 1990-х годов начали открывать свои газеты. В 2000-х годах политические свободы медиа немного сдали свои позиции перед лицом возрастающей централизации власти и государственного регулирования. Многие журналисты стремились на работу в редакции, которые финансировались региональным правительством или местной администрацией, потому что те, в отличие от оппозиционных газет, давали постоянное место работы, а не временный контракт, и лучшие зарплаты [Pasti, 2005b, p. 117—144].

На медиарынке формировался тренд соразмерного уменьшения доли коммерческого капитала и возрастания доли государственного капитала и смешанного (государственного и коммерческого) капиталов. В России большинство общественно-политических газет нерентабельно, они существуют благодаря субсидиям государственных органов[2]. Аудитория государственного вещания составляет 75% населения. В отличие от России, некоторые постсоветские страны (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Эстония) запретили и ограничили законодательством возможности для государства запускать свои массмедиа, за исключением правительственных официальных бюллетеней, чтобы печатать правительственные резолюции, законодательные акты и другие официальные документы [Richter, 2011, p. 202].

---

[1] *Пронина Е.Е.* Плюйбой // Российские вести. 1997.

[2] Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития. М., 2010. С. 13.

Этатизация медиа сказывается на их независимости. Во *Всемирном Аудите Демократии* Россия занимает 130 место по уровню свободы прессы, что определяет ее как страну без свободы прессы. За последние 13 лет ее уровень демократии (политические права и гражданские свободы) спустился со 106 до 136 места. В сравнении с посткоммунистическими странами Европы и Азии и даже с остающимися коммунистическими государствами (Китай, Куба и Вьетнам) Россия показывает самые низкие достижения демократии [World Audit, 2011].

Однако, несмотря на то, что медиа потеряли политическую независимость, журналистика остается популярной профессией. Это видно по количеству журналистских факультетов и числу желающих учиться там. В России 134 университета готовят журналистов, среди них 105 — государственные университеты и 29 — частные институты [Lukina, Vartanova, 2012]. Тридцать лет назад, в СССР в середине 80-х годов в университетах было 23 факультета журналистики [Свитич, 2010, с. 23].

Молодое поколение тяготеет к пиар-службе и коммерческой журналистике. Так, иерархия приоритетов в выборе места работы выпускников главного университета страны, факультета журналистики МГУ, в 2009 году была следующей: пиар-служба (23%), журналы (22%), телевидение (20%), интернет-медиа (11%), радио (7%), рекламное агентство (7%), информационное агентство (5%), газета (4%) и издательство (1%) [Lukina, Vartanova, 2012].

Эта статья исследует парадокс популярности журналистики в условиях, когда медиа в России несвободны. Прежде чем выполнить анализ данных опроса журналистов, можно сделать два предположения популярности профессии. Первое — это то, что журналистика остается открытой и либеральной профессией; для нынешней молодежи рыночные свободы кажутся важнее, чем политические свободы. Журналисты имеют широкий выбор места работы (тип медиа), жительства (города, региона) и формы занятости (быть в штате, иметь вторую работу, самоустраиваться на рынке — фрилансеры).

Второе предположение популярности журналистики может быть рассмотрено в контексте этатизации медиа. Этатизация дает определенные гарантии журналисту от рыночной стихии. Благополучие журналистов и их семей во многом зависит от благополучия их медиаорганизаций. Правительственные контракты несут стабильность, но также неизбежно ведут к короткой дистанции между журналистами и чиновниками. Сотрудничество медиа и правительства открывает перспективы для возможностей личного продвижения. Журналисты, заработав имя и связи, оставляют профессию, пере-

ходя в пиар-службы государственных учреждений и бизнес-корпораций, становятся членами местных парламентов, некоторые основывают свои медиа и даже медиахолдинги [Pasti, 2010, p. 73].

Исходя от этих двух предположений, можно выдвинуть гипотезу, что популярность журналистики зависит от потенциала быть мобильным в профессии, но также через журналистский статус подняться к новой более престижной позиции в обществе (государственного служащего или преуспевающего бизнесмена). Это может означать, что журналистика имеет ресурсы, которые дают индивиду мобильность. Можно предположить, что профессия журналиста работает и используется как социальный лифт в условиях, когда другие социальные лифты сломаны и социальная структура заморожена, как это находят социологи [Двадцать лет..., 2011]. Проверить гипотезу поможет сравнительный анализ состояния журналистской свободы в редакции между 1992 и 2008 годами и анализ причин удовлетворенности в профессии среди нынешних журналистов.

Социальная мобильность в современной России

Концепция социальной мобильности была введена российско-американским социологом Питиримом Сорокиным [Sorokin, 1959], который впервые предложил систематизированную методологическую концептуальную интерпретацию, включив комплекс элементов, рассмотренных через различные социальные измерения. Позднее выработанный Сорокиным подход был сужен. Развитие мобильности стало изучаться через образование и профессию. В частности, известная работа «Социальная мобильность в Британии» [Glass, 1954], выполненная в Лондонской школе экономики, предложила новый фокус и основала парадигму для последующего анализа мобильности. Она также стимулировала сравнительные исследования с другими странами и принесла эмпирические доказательства для более поздних объяснений относительно границ классов, ригидности социальной иерархии и мобильности между классами в Британии [Payne, 1998, p. 596]. Затем исследования мобильности появились не только в Британии, но и в других странах. Они начали дискутировать вопросы открытости общества, сравнивать американское общество с другими странами, поднимать вопросы типов мобильности, ассоциированных с социальной демократией и либеральным капитализмом.

Термин «социальная мобильность» включает передвижения вверх и вниз в стратифицированном обществе. Социологи различают интер-поколенческую мобильность, сравнивая детей с родителями, и интра-поколенческую мобильность, сравнивая позиции

индивидуала за его жизненный период. Общества различаются между собой по закрытости или открытости их стратификационных систем. Например, кастовые системы не позволяют мобильности совсем, тогда как классовые системы позволяют ограниченную мобильность ниже уровня высшего верхнего класса [Johnson, 2000, p. 201—202].

В Советском Союзе социальные механизмы продвижения отличались от тех, которые были на Западе [Радаев, Шкаратан, 1996, с. 196—197], несмотря на то, что некоторые западные исследователи доказывали, что системы стратификации похожи, как и характер мобильности на Западе и в странах под тоталитарным режимом [Lipset, 1973, цит. по: Радаев, Шкаратан, 1996]. Российские исследователи считают иначе. По их мнению, в открытых обществах социальная мобильность есть, главным образом, спонтанный процесс, тогда как в тоталитарных обществах, особенно наверху социального лифта, мобильность управляема и представляет собой идеологически обусловленный процесс. Например, в СССР многочисленные закрытые инструкции определяли, кто и какую социальную позицию мог занимать, беря в расчет социальное происхождение, этничность и особенно лояльность к политическому режиму и готовность принять систему норм и ценностей политической элиты [там же].

В постсоветское время начался переход от иерархического типа стратификации (советских сословий), где социальная позиция индивидуалов и социальных групп была детерминирована их местом в структуре государственной власти, к классовой стратификации, которая преобладает на Западе. Однако 20 лет спустя социальная структура в России описывается как амбивалентная, состоящая из сохраняющихся сословий и неразвитых классов. Эта ситуация ведет к формированию специфической национальной формы аномии, когда индивид принимает два конфликтующих статуса, например, совмещая позицию государственного чиновника (сословие) и в то же время участвуя в коммерции (владелец бизнеса — класс) [Кордонский, 2008, с. 132].

Большинство российских публикаций дают критическую оценку стратификационному изменению в стране. В конце 1980-х — начале 1990-х годов был обнаружен процесс социальной поляризации населения и массовая нисходящая мобильность [Черныш, 1992, с. 85—120; Руткевич, 1992, с. 3—16]. Многие люди спустились на низшую ступень социальной иерархии в ходе проведенных реформ. Одна из причин была увидена в отсутствии хорошо работающих лифтов. Национальное исследование социально-профессиональной мобильности в 1993 году зафиксировало противоречие между

консервацией социально-профессиональной структуры, с одной стороны, и возрастающей имущественной дифференциацией — с другой. Такое противоречие чревато острым социальным конфликтом в будущем [Черныш, 1994].

Исследования, выполненные в 2002 и 2006 годах в Институте философии РАН и затем в рамках Европейского Социального Исследования (ESS 2006), подтвердили сделанные ранее находки социологов. Социальный статус большинства населения страны остался неизменным в течение последнего десятилетия[3]. Хотя статистика показала позитивную динамику в уровне благосостояния населения (меньше бедных людей и больше зажиточных и богатых), это не повлияло на социальный статус большинства. Неравенство жизненных шансов сохранялось и зависело не только от материальных возможностей семьи, но также от других ресурсов — самого индивида и социальных связей, к которым он и его семья принадлежали.

Есть мнение, что в советское время образование, профессия, комсомол были эффективными социальными лифтами и давали относительно равные шансы в карьере и уровне жизни специалистов. Сегодня фаворитизм и неформальные связи играют решающую роль, вместо таланта и компетенции. Новая политическая ситуация и рост социального протеста в больших городах доказывают, что вопрос равенства возможностей остается ключевым вопросом для современной России.

Выборка

Статья базируется на эмпирических результатах двух исследований журналистов. Первое исследование было проведено в 1992 году на факультете журналистики МГУ, руководитель проекта — Я.Н. Засурский. В Москве и десяти регионах, представляющих основные географические и социально-экономические особенности страны, были опрошены 1000 журналистов. Они работали в общенациональных и региональных медиа, включая прессу, радио и телевидение [Журналист, 1998, с. 10]. Второе исследование журналистов было организовано в университете Тампере, департаменте журналистики и массовых коммуникаций в рамках проекта «Медиа в меняющейся России» под финансированием Академии Наук Финляндии, руководитель проекта — К. Норденстренг. Данные были собраны в два этапа. Первый этап опроса был проведен в период

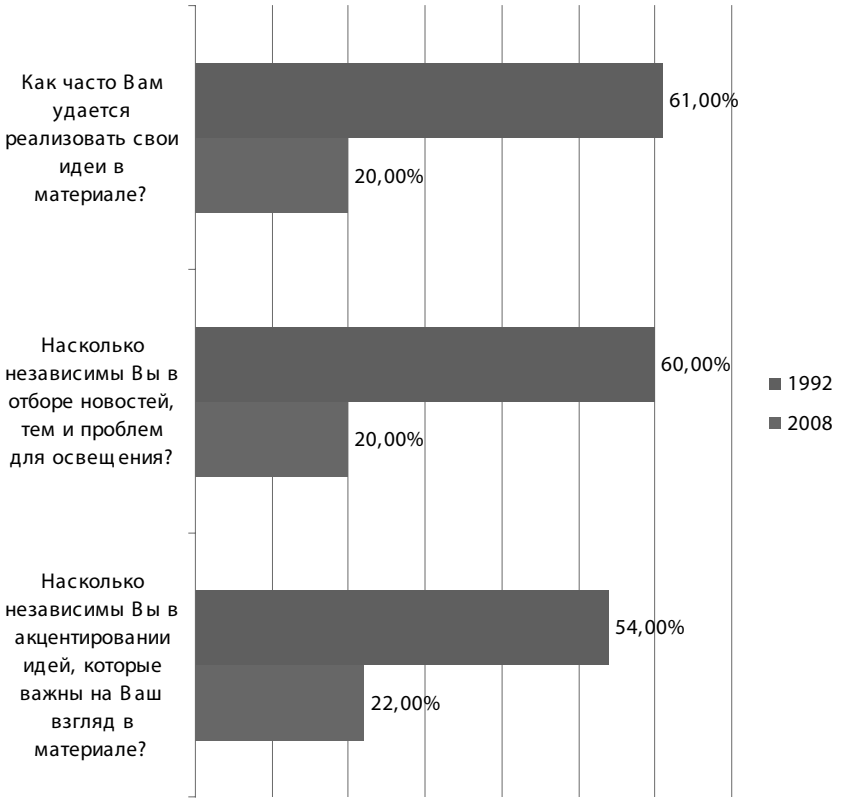
[3] *Беляева Л.А.*. Социальный лифт заклинило. Экспертный канал «Открытая экономика», 2009. Режим доступа: http://www.opec.ru/1307485.html

Всероссийского Конгресса журналистов, организованного Российским союзом журналистов в сентябре 2008 года. Из 620 журналистов, приехавших на Конгресс, 260 проявили желание участвовать в опросе и ответили на вопросы анкеты. Второй этап был проведен в регионах в октябре и ноябре 2008 года Институтом социологии Российской Академии наук (М. Черныш) с привлечением своих интервьюеров на местах. На этом этапе было опрошено 536 журналистов, работающих в прессе, радио, телевидении и интернет-изданиях. Поскольку данных по количеству журналистов в России не удалось обнаружить, было решено сделать региональную выборку, включая не только крупные, но и малые города. В результате региональная выборка на втором этапе исследования была составлена из 36 городов, представляющих три категории: большой город с населением 1 миллион жителей и выше (319 респондентов), средний город с населением от 200 тысяч до 999 тысяч жителей (359 респондентов) и малый город с населением меньше 200 тысяч жителей (118 респондентов). Выборка городов представляла все шесть социо-экономических округов Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург. В конце работы данные второго этапа опроса (536 респондентов) были соединены с данными первого этапа (260 респондентов). В итоге были получены анкеты от 796 респондентов. Оба исследования использовали анкету для опроса журналистов, разработанную на базе работающих анкет в международных исследованиях журналистов [Weaver, 1986, 1998].

Свобода

Журналистская свобода в редакции была исследована с помощью трех вопросов, заданных в исследованиях в 1992 и 2008 году. Результаты опросов были сопоставлены и суммированы в графике 1. Как это видно, отвечая на первый вопрос в 1992 году, две трети журналистов (61%) утверждали, что они были «всегда» успешны, чтобы реализовать их идею в публикации. В 2008 году такие журналисты составляли пятую часть (20%). Сопоставление ответов на второй вопрос показало, что профессиональная свобода в отборе новостей, тем и проблем для публикации уменьшилась от 60% тех журналистов, считающих себя «полностью независимыми» в 1992 году, до 20% журналистов, считающих себя «полностью независимыми» в 2008 году. Результаты ответов на третий вопрос обнаружили, что число чувствующих себя «полностью независимыми» при выражении идей, важных на их взгляд в материале, уменьшилось с 54% в 1992 до 22% в 2008 году.

Редакционная автономия
(в процентах, «всегда» удается и «полностью» независим)

Однако анализ показал, что число «ситуативных журналистов», которые «иногда независимы, иногда нет», значительно возросло в 2008 году по сравнению с такими же журналистами в 1992 году: в отборе новостей, тем и проблем для публикации от 5 к 29%, и в подчеркивании важных идей в их материале — от 6 к 23%. Ситуативный характер журналистов также проявился в подходах к рабочим методам. В 1992 году большинство одобряло такие новые методы работы, как плата за конфиденциальную информацию, устройство в организацию с целью получить внутреннюю информацию, недоступную постороннему, использование скрытых камер и микрофонов. В начале 1990-х годов журналисты вводили упомянутые методы, желая обнаружить правду и копируя новую западную идею журналистики быть оппонентом к тем, кто во власти. Они вводили новый жанр публикаций — «журналистское рассле-

дование». В то время еще не было трагических случаев гибели журналистов из-за их профессиональной деятельности, не было массового преследования в судах теми, о ком журналисты писали критические материалы.

В 2008 году журналистов, одобряющих эти методы, было всего около четверти, но тех, кто использовал бы эти методы в зависимости от ситуации, была половина. Это можно понять. Журналистика стала опасной работой, если вскрывать правду. Самыми опасными темами были война, политика, коррупция, бизнес и права человека[4]. Печальная статистика насилия над журналистами насчитывает свыше 300 погибших журналистов[5]. Нынешние журналисты также боятся судебных преследований, поэтому избегают сомнительных методов в работе, даже если бы это помогло вскрыть правду. Поэтому трудно утверждать, что журналисты стали вести себя более этично, чем в 1992 г., реже используя эти сомнительные методы в работе. Но можно сказать, что они стали более опытными и осторожными и хорошо осознали цену риска.

Ограничения

В 2008 году журналистов спросили об ограничениях в работе. Для этого им предложили выбрать два самых влиятельных ограничения из двенадцати предложенных. Как видно из таблицы 1, самыми влиятельными факторами, ограничивающими журналиста в работе, были местные власти — об этом сказали одна треть и редакционное начальство — высказался каждый пятый. Этика как ограничение была важна для 15% журналистов, а мнения коллег — практически не имели значения (3%). Это свидетельствует о том, что внешние факторы служили главными регуляторами поведения журналистов, тогда как внутренние профессиональные ограничители оставались слабыми и маловостребованными.

В 1992 году 62% всех журналистов были «очень довольны» и «вполне довольны» работой. Их удовлетворенность происходила, главным образом, от новой и практически неограниченной свободы прессы, которая только что сменила тотальный партийный контроль. Большинство ощущало себя независимыми репортерами. В 2008 году число довольных журналистов (очень и вполне) выросло почти до 72%. Их спросили о причинах удовлетворенности, попросив выбрать две самые важные на их взгляд причины из двенадцати предложенных. Таблица 2 показывает рейтинг причин

[4] CPJ, Committee to Protect Journalists, 2011. Режим доступа: http://www.cpj.org/killed/europe/russia//

[5] Российский Союз Журналистов. Database of Deaths of Journalists in Russia, 2011. Режим доступа: http://journalists-in-russia.org/journalists

удовлетворенности журналистов. Большинство было удовлетворено самостоятельностью при решении, как и о чем писать (65%), возможностью помогать людям (64%) и политической ориентацией медиаорганизации, где они работали (60%). Треть журналистов были удовлетворены заработком (39%), возможностями карьеры в журналистике (38%), политической независимостью их профессии (37%) и дополнительными льготами, которые им могли предложить по месту работы (37%).

Таблица 1

Ограничения в работе

Типы ограничений	Совокупный %
Местные власти	29,4
Вмешательство начальства	23,0
Характер медиа аудитории	19,4
Специализация медиа	16,5
Этика	14,6
Точка зрения рекламодателя	14,5
Политическая линия медиа	13,7
Владелец медиа	9,9
Влияние федеральной власти	7,1
Ничего	5,5
Другое	3,9
Мнение коллег	3,4

Можно отметить существенную разницу между старшим, советским поколением журналистов, пришедших в профессию до 1991 года, и молодым поколением, попавшим в журналистику в 2000 году и позже. Молодое поколение было более оптимистично относительно возможностей для различных подработок в профессии и политической независимости журналистики. Также молодежь чувствовала себя более защищенной в профессии, чем старшие коллеги, была более чем довольна перспективами будущей карьеры в медиа и более удовлетворена дополнительными льготами в журналистике. В общем, на старте их вхождения в профессию молодые журналисты были самыми счастливыми. Это могло означать, что нынешняя ситуация в профессии отвечает их ожиданиям иметь возможности для самореализации, творчества и широкой коммуникации, которые и были главными причинами пойти в журналистику [Pasti et al, 2012, p. 275—276].

Таблица 2

Удовлетворенность в работе по фактору поколения (в %, полностью или главным образом удовлетворен)

Причины быть удовлетворенным	Временной период			
	Советское: 1991 год или раньше	Переходное: 1992—1999 гг.	Постсоветское: 2000 год или позже	Все журналисты
Самостоятельно решать, как и о чем писать	70,7	62,7	61,2	64,7
Возможность помогать людям	65,3	63,5	64,9	64,2
Политическая линия медиа	60,9	61,4	58,3	60,1
Безопасность работы, социальные гарантии	43,4	52,1	59,7	51,6
Возможность повышать квалификацию	50,2	48,7	55,1	51,1
Возможность влиять на общество	46,5	46,9	53,8	48,9
Возможности для дополнительной занятости (вторая работа)	44,8	48	52,8	48,4
Возможности получать повышение в должности	39,8	40,9	45,5	42,1
Размер заработка	42,7	40,0	34,4	38,8
Возможности карьеры через журналистику — в политику, госслужбу, бизнес	38,6	35,8	39,0	37,7
Политическая независимость профессии	34,0	32,4	44,9	37,1
Дополнительные льготы	30,5	35,9	43,9	36,7

Хотя границы журналистской свободы в редакции значительно сузились за последние 16 лет, как показали ответы в 2008 году, это не повлияло на уровень удовлетворенности нынешних журналистов. Возможно потому, что большинство (60%) были удовлетворены политической линией их медиаорганизации. Журналисты чувствовали себя вполне комфортно в подконтрольных медиа, были довольны тем, как работают их редакции. Большинство считало, что их редакции хорошо информировали свою аудиторию. Среди них 10% сказали, что их медиа отлично делают свою работу, 36% — выплняют свою работу хорошо, хотя и не без определенных недостатков. В малых городах таких журналистов было даже больше (61%), чем в больших (41%) и в городах среднего размера (46%). Число критически настроенных журналистов, неудовлетворенных работой их медиа, было незначительно (8%).

Отношение к профессии

Чтобы прояснить журналистские подходы к профессии, был выполнен факторный анализ двенадцати переменных, измеряющих источники удовлетворенности нынешних журналистов. В результате проявились три фактора. Первый фактор включал четыре переменные, ранжированные по важности в следующем порядке: возможность влиять на общество, помогать людям, политическая независимость профессии, свобода решать, как и о чем писать. По своему ценностному измерению этот кластер политический и может быть определен как *власть,* поскольку базируется на ресурсе власти и независимости.

Второй фактор включал три переменные: дополнительные льготы, социальная защищенность и заработок. Его ценностное измерение экономическое, что предполагает соответствующие условия социальных гарантий и безопасности. Поэтому этот кластер может быть определен как *материальное благополучие*.

Третий фактор включал четыре переменные: возможности карьеры через журналистику с получением позиции в государственной службе и бизнесе, вторая работа, возможности роста в редакции и возможности для повышения квалификации. По своей ценности этот кластер может быть определен как *социальная мобильность.*

Суммируя, можно полагать, что журналистские подходы к профессии проявляются в трех измерениях согласно их значимости у журналистов: иметь власть, стать состоятельным и иметь перспективы для дальнейшего продвижения. Возможно, журналистика есть та профессия, которая обеспечивает такие возможности или ресурсы для своих работников.

Таблица 3

Факторный анализ источников удовлетворенности (повернутая матрица компонентов)

	Компонент		
	1	**2**	**3**
Влиять на общество	,756		
Помогать людям	,687		
Политическая независимость профессии	,658		
Самостоятельно решать, как и о чем писать	,654		
Политическая линия медиа	,602	,458	
Дополнительные льготы, которые дает работа		,712	
Безопасность работы, социальные гарантии		,673	
Размер заработка		,614	
Карьера в политике, госслужбе, бизнесе			,773
Вторая работа			,689
Повышение в должности			,532
Повышение квалификации		,404	,425

Ресурсная парадигма как альтернатива традиционным концепциям стратификации была развита в западной социологии [Бурдье, 2004, с. 519—526; Бек, 2000; Кастельс, 2000; Sorensen, 2000, p. 1523—1558; Grusky, 2001, p. 3—39]. В России ресурсный подход для анализа социальной стратификации видится особенно релевантным, как дающий обширные эвристические возможности для анализа постсоветского общества. Он был развит в работах Шкаратана [Шкаратан, 2003], Радаева [Радаев, 2005], Тихоновой [Тихонова, 2004, с. 24—35] и других исследователей.

В рамках ресурсного подхода социальное неравенство в России есть логическое последствие разного количества ресурсов, которыми различные социальные группы владеют. Ресурсы распределены неравно: только 7—8% населения в России имеет такое количество ресурсов, которые достигают качества капитала [Тихонова, 2007, с. 267]. Капиталы рассмотрены как таковые, если они могут быть конвертированы один в другой и в экономический капитал и если они ведут к росту совокупного капитала. Социальная структура современной России, согласно Тихоновой, состоит из пяти главных ресурсов: экономического капитала (доход, собственность),

квалификационного капитала (образование, практика, умения и навыки), культурного капитала (уровень социализации, стиль жизни), властного капитала (политический и административный ресурс) и социального капитала (социальные связи).

Место индивида в обществе зависит от капиталов, которыми он владеет. То есть, капиталы определяют, к какому классу индивид принадлежит: к классу собственников дефицитных ресурсов, которые недоступны для большинства; к классу собственников недефицитных ресурсов; или к классу лишних, социально исключенных людей [Тихонова, 2006, с. 28—29].

Российские журналисты в рамках ресурсной парадигмы могут быть причислены к классу собственников дефицитных ресурсов. Прежде всего, журналисты в силу их профессии часто воспринимают себя как собственники информации, которая есть дефицитный ресурс, особенно в обществе, где медиа несвободны. Журналисты ищут и производят информацию, и они в рамках политической линии их медиа определяют (администрируют), какую информацию дать или не дать обществу.

Во-вторых, в медиа, которые подконтрольны местной власти, чиновники выступают главными источниками информации. Эти эксклюзивные контакты журналистов с теми, кто владеет ресурсом власти, помогают журналистам аккумулировать их *властный капитал*.

Рыночные свободы в профессии не препятствуют совмещению штатной работы с дополнительными приработками вне штатной занятости, что, по сути, есть приближенные к элите заработки на рынках медиа, рекламы и пиар-услуг. Это обеспечивает журналистов э*кономическим капиталом*. *Культурный капитал* накапливается благодаря их формальным и неформальным профессиональным и социальным связям, которых у журналистов в изобилии. Но также культурный капитал накапливается благодаря семейным привилегиям, которые в современной России, а также в медиа имеют сегодня большое значение. В результате, комбинация этих трех главных капиталов ведет к привилегированной позиции журналиста и дает ему возможность быть вместе с теми, кто во власти, и влиять, становиться состоятельным и быть мобильным.

Журналистика как социальный лифт

Открытость

Журналистика остается открытой профессией для любого желающего. За последние шестнадцать лет число журналистов с нежурналистским образованием возросло с 44% в 1992 году до 48% в 2008 году. Число журналистов, имеющих высшее образование,

осталось за этот период неизменно высоким — 86% в 1992 и 2008 году. В больших городах (1 миллион жителей и выше) в редакциях каждый второй журналист был с журналистским дипломом. В малых городах (до 200 тысяч жителей) только один из десяти в редакциях имел специализированное журналистское образование. Здесь каждый пятый пришел в редакцию случайно, что дважды превышало число «случайных журналистов» в штатах редакций большого города.

Вертикальная мобильность

В малых городах, как показывает таблица 4, выходцы из семей рабочего класса составляли половину всех работающих журналистов. В большом городе и городе среднего размера журналистика становилась «буржуазной», подавляющее большинство составляли выходцы из семей среднего класса: менеджеров и профессионалов, но не из семей журналистов.

Таблица 4

Социальная позиция респондента по отцу

	Большой город	**Средний город**	**Малый город**	**Все журналисты**
Топ менеджер (руководитель высшего звена)	8,4	7,2	4,3	7,4
Руководитель среднего звена	25,3	18,2	17,2	20.7
Руководитель младшего звена	3,4	6,1	4,3	4,9
Журналист или редактор	4,4	4,3	0,9	3,7
Профессионал не из медиа	27,3	28,8	11,2	25,6
Служащий (не высшее образование)	8,8	8,6	9,5	8,8
Рабочий в городе	12,1	17,9	27,6	17,0
Рабочий в деревне	4,0	5,2	20,7	6,9
Другое	6,4	3,7	4,3	5,0
	100,0	100,0	100,0	100,0

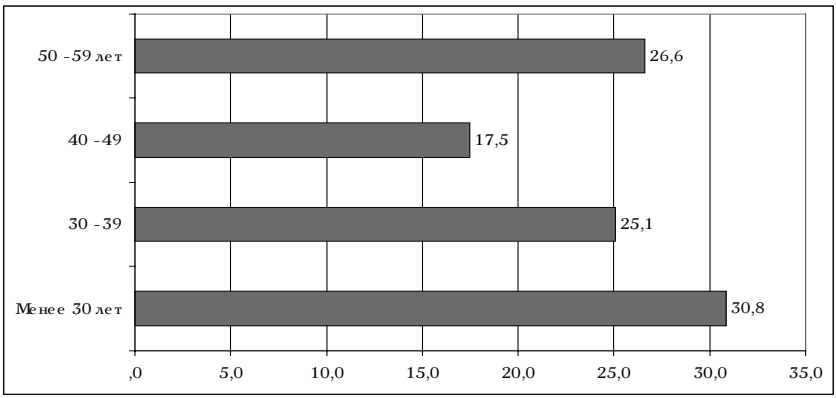
Временность

В исследовании 1992 года все возрастные группы были представлены пропорционально в журналистской популяции. В 2008 году исследование показало, что возрастной баланс был нарушен. На графике 2 видно, что возрастная группа 40—49 лет была самой ма-

лочисленной (17,5%) в возрастной структуре профессии. Это могло свидетельствовать об уходе журналистов из профессии или изменении их статуса в этом профессионально-зрелом возрасте. Интервью, проведенные с молодыми журналистами, засвидетельствовали, что они не собирались задерживаться в профессии. Как сказал один респондент: «Сегодня, кажется, что журналистика держится благодаря старым журналистам. Среди молодых, к сожалению, я редко встречаю тех, кто, во-первых, хочет остаться в профессии, и, во-вторых, хочет действительно быть полезным и реально заинтересован в своих читателях, слушателях или зрителях».

График 2

Возраст

Деюнионизация

Сравнительный анализ результатов двух исследований показывает падение интереса журналистов к их профессиональному союзу. В исследовании 1992 года большинство журналистов (60%) были членами Союза журналистов. В 2008 году их число сократилось до 41%. Среди них подавляющее большинство — старшее поколение (76%) и незначительное число журналистов молодого пост-2000 поколения (17%). Тренд деюнионизации обнаруживает временный подход молодых журналистов к профессии и отсутствие у них групповых интересов. Это совершенно не схоже с советской ситуацией, когда молодые мечтали о вступлении в Союз и работали усердно, чтобы получить рекомендацию для вступления в Союз от их старших коллег. Нынешнее пренебрежение Союзом, его невостребованность среди молодых свидетельствует о внутреннем процессе атомизации журналистского сообщества. Это чревато уменьшением солидарности среди журналистов и препятствиями для дальнейшей профессионализации.

Результаты исследования 2008 года обнаружили, что журналисты активно перемещались на медиарынке из одной редакции в другую. На момент опроса подавляющее большинство пришло в штат их редакций в 2000-е годы. В еженедельных журналах их было 82%, в ежемесячных журналах — 89, на радио — 82, в интернет-медиа — 94%. Только газеты, особенно ежедневные, показали самый низкий уровень текучести персонала, где каждый третий журналист работал здесь с советских времен или пришел в 90-е годы. В советское время профессиональная мобильность имела свои ограничения. В частности, журналист, если и менял свое рабочее место, то, как правило, перемещаясь не вертикально снизу вверх, например, двигаясь из районной газеты в областную газету, но на том же уровне: из одной районной газеты в другую районную газету, или из одной областной газеты в другую областную газету. Такая горизонтальная мобильность свидетельствовала о нехватке перспектив профессионального роста у советских журналистов [Кузин, 1971, с. 157—158]. Сегодня продвижение профессиональной карьеры во многом зависит от самих журналистов, когда они перемещаются не только в разноуровневые медиаорганизации, но и меняют место жительства, мигрируя из малого города в большой.

Заключение

Вопрос популярности профессии журналиста в условиях, когда медиа потеряли политическую независимость, был рассмотрен на базе сравнительного анализа двух исследований журналистов, проведенных в 1992 и 2008 году. Анализ подтвердил, что число журналистов, воспринимающих себя независимыми репортерами, сократилось в три раза — с 60% в 1992 году до 20% в 2008 году. В то же самое время число тех, кто действовал по ситуации, возросло и составило одну треть.

Главными ограничителями профессиональной свободы журналистов в 2008 году были местные власти и редакционное начальство, то есть политический контроль и редакционная цензура. Тем не менее число журналистов, довольных условиями работы, возросло в 2008 году (72%) по сравнению с 1992 годом (62%). Больше всего журналисты были довольны своей самостоятельностью (о чем и как писать) и политической линией редакции, где они работали. Большинство были удовлетворены тем, как работают их медиаорганизации. То есть современные журналисты научились делать «правильный» выбор и чувствовать себя самостоятельными в этом выборе. Этатизация медиа, кажется, несет только плюсы: спасает от рыночной непредсказуемости и в то же время не препятствует коммерциализации.

Этатизация и коммерциализация — два главных тренда развития современной медиасистемы в России. Журналистика находит себя в привилегированной позиции, будучи вместе с государством и рынком. Медиасистема есть неотъемлемая часть социополитической системы. За последнее десятилетие Россия вместе с постсоветскими странами, за исключением Балтийских государств, показала похожие внутренние политические процессы, которые вели к формированию похожих общественных систем. Андрей Рябов характеризует эти системы как «постсоветский капитализм» [Рябов, 2011], главная черта которого есть основа слияния институтов власти и собственности в единый институт власти-собственности. Государственная правящая бюрократия концентрирует в своих руках не только политическую власть, но также конкретную собственность. Это явление заметно как на уровне национальных экономик, так и на уровне регионов и районов. Чрезмерная концентрация финансово-экономических, политических, административных, информационных и других ресурсов на высшем уровне препятствует реальной демократизации постсоветских стран — свободным выборам, независимым от государства медиа и власти закона.

В Европейском социальном исследовании (ESS) за 2006—2008 годы с участием 25 стран, современная Россия появляется как страна, похожая и не похожая на Европу [Андреенкова, Беляева, 2009]. Россия опережает восточно-европейские и некоторые западные европейские страны по уровню образования и количеству профессионалов. Она демонстрирует сильную приверженность к индивидуализму с такими приоритетными ценностями, как конкуренция, индивидуальный успех, власть, богатство, тогда как солидарность уменьшается. Однако ее население показывает самый низкий уровень удовлетворенности в работе среди европейских стран. В сравнении с другими странами Россия показывает самый сильный разрыв между высоким уровнем дохода в верхнем классе и низким уровнем потребления большинства людей, что свидетельствует об ограниченных возможностях большинства россиян.

В отличие от большей части населения в России, журналисты разделяют европейское настроение, будучи удовлетворены их условиями работы, особенно молодое поколение, выросшее в успешно капитализирущейся урбанистической России. Типичный постсоветский журналист — это счастливый журналист, совмещающий в себе две идентичности: штатного работника медиа, принявшего политический контроль государства, и рыночного фрилансера, преследующего свои экономические интересы и творческие амбиции. Некоторые предпочитают называть себя не журналистами, а работниками медиа.

Современная журналистика обеспечивает доступ к трем важным ресурсам: *власти,* поскольку она обслуживает политическую

власть и администрирует информацию обществу; *материальному достатку,* поскольку она кормится одновременно от государства и рынка; и *социальной мобильности*, которая поддержана элитными связями с бюрократией и бизнесом. Эти ресурсы обеспечивают высокую удовлетворенность среди большинства журналистов. Журналистика популярна, потому что через нее можно найти новые жизненные шансы и изменить свой статус в обществе, то есть журналистика используется как социальный лифт. Это ведет к потере профессионального этоса, потому что формирует вектор развития отношения к журналистике не как к профессии как *Цели,* но как к профессии как *Средству*. В результате принципиальный вопрос свободы прессы остается невостребованным среди большинства практиков.

Список литературы

Андреенкова А.Б., Беляева Л.А.. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». М.: Академия, 2009.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология. М.: РОССПЭН, 2004.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). М.: Институт социологии РАН, 2011.

Журналист. Российско-американские исследования // Под общ. ред. Я.Н. Засурского. М.: Эслан, 1998.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М., 2000.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.

Кузин В.И. Газета — орган партийного комитета. Л.: Лениздат, 1971.

Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.

Руткевич М.Н. Социальная поляризация // SOCIS. 1992. № 9.

Рябов А. Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107) январь—март.

Свитич Л.Г. Введение в специальность. Профессия: журналист. М.: Аспект Пресс, 2010.

Таловов В.П. Журналистское образование в СССР. Л.: ЛГУ, 1990.

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России. М.: ИС РАН, 2007.

Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9.

Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. № 4. 2004.

Черныш М. Ф. Социальная мобильность в 1986—1993 // Социологический журнал. 1994. № 2.

Черныш М.Ф. Социальная мобильность в обществе переходного типа // Социально-стратификационный процесс в современном обществе. Т. 1. М.: ИС РАН, 1992.

Шкаратан О.И., Бондаренко Б.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.Б. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Glass D.V. (ed.) Social Mobility in Britain. London: Routledge, 1954.

Grusky D.B. The Past, Present, and Future of Social Inequality // Grusky D.B. (ed.) Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective: Westview Press, 2001.

Johnson A.G. The Blackwell Dictionary of Sociology: A user's guide to sociological language. 2nd edition. Blackwell Publishers, 2000.

Lukina M., *Vartanova E.* Journalism Education in Russia. WJEC, 2012.

Pasti S. A New Generation of Journalists // Rosenholm A., Nordenstreng K., Trubina E. (eds.) Russian Mass Media and Changing Values. London: Routledge, 2010.

Pasti S. Return to Media Serving the State: Journalists in Karelia // Melin H. (ed.) Social Structure, Public Space and Civil Society in Karelia. Helsinki: Kikimora, 2005b.

Pasti S., Chernysh M. F., Svitich, L. G. The Russian Journalists and Their Profession // Weaver D.H., Willnat L. (eds.) The Global Journalist in the 21st Century. New York: Routledge, 2012.

Pasti S. Two Generations of Contemporary Russian Journalists // European Journal of Communication. 2005a. Vol. 20 (1),

Payne G. Social mobility // Outhwaite W., Bottomore T. (eds.) The Blackwell Dictionary of Twentieth-Century Social Thought. Blackwell Reference, 1998.

Richter A. The Post-Soviet Media and Communicaion Policy Landscape: The Case of Russia // Mansell R., Raboy M. (eds.) The Handbook of Global Media and Communication Policy. Wiley-Blackwell, 2011.

Sorensen A. B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105 (6). May.

Sorokin P. Social and Cultural Mobility. Glencoe: Free Press, 1959.

Weaver D.H. The American Journalist. A Portrait of U.S. News People and Their Work. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1986.

Weaver D.H. (ed.) The Global Journalist: News People Around the World. Cresskill: Hampton Press, 1998.

Zassoursky I. Media and Power: Russia in the Nineties // Nordenstreng K., Vartanova E., Zassoursky Y. (eds.) Russian Media Challenge. Helsinki: Kikimora. 2001.

Поступила в редакцию
02.03.2012